

На правах рукописи

УШАМИРСКИЙ Алексей Эдуардович

**СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА
РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ
КОНФЛИКТА**

Специальность 22.00.08 – Социология управления

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Белгород – 2020

Работа выполнена на кафедре социальных технологий и государственной службы в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Научный консультант доктор философских наук, профессор
Бабинцев Валентин Павлович

Официальные оппоненты:

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет» / кафедра «Социология и социальные технологии», профессор

Петрова Татьяна Эдуардовна – доктор социологических наук, профессор, Правительство Российской Федерации / Департамента культуры, спорта, туризма и национальной политики Правительства Российской Федерации, советник

Смирнов Владимир Алексеевич – доктор социологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Костромской государственный университет» / проректор по стратегическим коммуникациям.

Защита состоится 17 декабря 2020 года в 14 часов на заседании диссертационного совета БелГУ.22.01 на базе ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 308015 г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Белгородского государственного национального исследовательского университета (www.bsu.edu.ru).

Автореферат разослан 16 ноября 2020 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета БелГУ.22.01.

И.Э. Надуткина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Одним из следствий глобализации общества является интенсификация конкуренции субъектов социального действия на всех уровнях общественной самоорганизации. Их потребности и интересы реализуются в постоянной, как открытой, так и скрытой борьбе. В нее включаются даже те социальные акторы, которые традиционно рассматривались преимущественно как объекты патронажа государства и гражданских институтов.

К их числу относится молодежь, положение которой в обществе всегда было двойственным. С одной стороны, за молодежью декларативно закреплялся статус социально-демографической группы, объективно обладающей в долгосрочной перспективе монополией на воспроизводство социума. С другой стороны, «взрослое» общество всегда подчеркивало, что в качестве группы, находящейся в ситуации переходности (транзитивности), следовательно, естественным образом ограниченной в своих возможностях, молодежь должна рассматриваться как объект постоянной внешней заботы, опеки, пределы которой зачастую определялись без участия самих молодых людей, но – по умолчанию предполагалось – для их же собственного блага.

Инерция такого подхода сохраняет свое значение, несмотря на то, что и специалисты-практики, и исследователи все чаще заявляют о необходимости наращивания субъектности молодежи как качества, наиболее адекватного глобализирующемуся обществу. Именно субъектность определяется как необходимое условие реализации интересов молодежи, представляющей собой процесс целенаправленного удовлетворения лежащих в их основе потребностей посредством их сознательной объективации.

Но, несмотря на то, что в публичном пространстве России постоянно декларировалась и декларируется идея о наличии у молодежи специфических интересов и необходимости создания условий для их реализации, в процессе решения данной задачи возникает множество вопросов, ответы на которые далеко неоднозначны.

Так, до конца не прояснен вопрос, в чем, собственно, заключаются интересы молодежи. Несмотря на частое употребление данного понятия, в него вкладывается самое различное содержание. В частности, в докладе «Молодежь России 2000 – 2025: развитие человеческого капитала» интересы молодежи упоминаются неоднократно, но ни в одном случае не дается расшифровка их содержания. Еще менее определенной является позиция авторов доклада «Молодёжь и молодёжная политика в России в контексте глобальных тенденций».

Среди исследователей и практиков нет единства в отношении того, способны ли молодые люди самостоятельно, без общественной поддержки, реализовать свои интересы, и если нет, то каковы причины этого. Необходимо понять, в чем заключаются индивидуальные и групповые интересы молодежи. Исследования требуют проблему препятствий, возникающих при их реализации.

Остается неясным, как осуществлять интересы молодежи в экстремальных ситуациях. Эти ситуации характеризуются высокой динамикой, требуют напряжения сил участников, непредсказуемы по своим последствиям, связаны с постоянным противоборством и концентрируют разноплановые угрозы в отношении включенных в них акторов. Именно они становятся нормой в современном обществе. В применении к нему все чаще – и небезосновательно – используются понятия, указывающие на хаотизацию социальных процессов («турбулентный хаос», «социальная дизъюнкция», «общество риска», «смута»).

И, наконец, нельзя не видеть, что в условиях изменяющейся социальной реальности процесс реализации интересов молодежи приобретает конфликтный характер. Молодежные конфликты обычно возникают в тех случаях, когда молодые люди не видят возможности иными способами осуществить свои интересы в силу как объективных условий, так и субъективных факторов. При этом субъективные обстоятельства становятся все более значимыми для определения специфики молодежных конфликтов, поскольку в информационном обществе молодежь, с одной стороны, активно и обоснованно претендует не только на самостоятельное решение личных жизненных проблем и на участие в решении проблем всего общества; с другой стороны, ее значительная часть вытесняется на социальную периферию, включается в когорту «лишних», становится объектом манипулятивных воздействий со стороны глобальных акторов обострившейся конкуренции за человеческий капитал. Все это стимулирует протестный потенциал молодежи, который в значительной степени подпитывается опытом участия в конфликтах на микро– и мезосоциальном уровне.

Между тем, в обществе отсутствует эффективная, основанная на рекомендациях научной теории система регуляции процесса реализации интересов молодежи в конфликтных ситуациях, осуществляемой с участием не только самой молодежи, но и широкого круга институционализированных и неинституционализированных акторов. В этой связи изучение особенностей их взаимодействия следует рассматривать как важную в теоретическом и практическом отношении задачу, что восполнит недостающее знание о возможности реализации интересов молодежи в условиях конфликта или выработки мер для предупреждения его возникновения. Актуальность такого подхода возрастает в связи с экономическими и социальными последствиями пандемии коронавируса.

Таким образом, **актуальность темы** исследования определяется:

- изменением социокультурного контекста жизнедеятельности молодежи в современном обществе, заключающимся в востребованности самостоятельного и суверенного решения ее проблем, реализации интересов;
- наличием комплекса препятствий, возникающих при реализации молодежных интересов, вызывающих конфликты при попытках их самостоятельного преодоления;

– необходимостью теоретического обоснования и практического внедрения механизма регулирования процесса реализации интересов молодежи в ситуациях конфликта.

Степень научной разработанности темы

Изучение интересов молодежи связано с рассмотрением ее сущностных характеристик как социальной группы. Для выбора методологических ориентиров их социологического исследования важно опираться на разработку теоретико–методологических подходов к социологическому изучению молодежи, среди которых обычно выделяют: психоаналитический, структурно–функциональный, культурологический, социально–воспроизводственный, рискологический и ювенологический. В основе своей, как убедительно показал Вал.А. Луков, все они восходят к идеям, сформулированным в работах, относящихся еще к началу XX века, прежде всего, Г. Венекена, К. Грооса, К. Мангейма, Б. Малиновского, П. Сорокина, Г.С. Холла, Э. Шпрандера и ряда других авторов.

Принцип разумного ограничения позволяет среди многочисленных работ выделить группы исследований, наиболее значимых для анализа диссертационной проблемы.

1. Для исследования особенностей индивидуально–личностных и групповых интересов молодежи большое значение имеют разработки социального статуса молодежи как особой социальной группы, находящейся в переходном (транзитивном) состоянии. Этот аспект анализа получил отражение в работах ряда зарубежных (Д. Байер, К. Винклер, Т. Лукман, К. Тулли, А. Шутц) и отечественных (Е.Д. Вознесенская, Л.А. Гегель, М.К. Горшков, В.И. Добрынина, Ю.А. Зубок, И.М. Ильинский, Д.Л. Константиновский, В.Т. Лисовский, В.А. Луков, В.И. Чупров, Ф.Э. Шереги и ряд других) авторов. Их исследования позволяют понять содержание потребностей, интересов и целей молодежи.

2. Для выявления способности молодежи к самостоятельной формулировке индивидуальных и групповых интересов, их артикуляции и агрегации важны исследования, посвященные проблеме субъектности молодежи, получившей разработку в трудах польских социологов М. Карвата и В. Милянковского, рассматривавших субъектность как основание молодежного движения. Процесс формирования молодежной субъектности неоднократно анализировался в публикациях И.М. Ильинского, А.И. Ковалевой, Вал. А. Лукова, С.В. Явон. Концепция субъектности (далеко не бесспорная) вносит существенный вклад в разработку механизмов формирования, презентации и реализации молодежных интересов;

3. Прояснить специфику социокультурных факторов, детерминирующих молодежные интересы, позволяют работы, рассматривающие субкультурную специфику молодежи, в частности, акцентирующие особое внимание на специфике молодежных ценностей (В.С. Адерихин, Л.В. Баева, Ю.Р. Вишневский, Л.С. Гурьева, С. И. Копкарева, Г.Б. Кошарная, Е.В. Реутов, Л.В. Рожкова и др.). Сформулированные в них выводы дают представление о роли ценностных регуляторов в процессе реализации интересов. Для понимания

их специфики представляют особое значение труды, авторы которых рассматривают проблематику ценностных регуляторов не только применительно к молодежи, но и исследуют значение ценностных диспозиций для реализации социального действия, в частности, доверия, справедливости, взаимопомощи (М.Н. Губачев, Ю.А. Зубок, А.В. Иванов, Н.Н. Ключев, Л.Г. Коваленко, Л.Г. Невеличко, А.В. Прокофьев, Т.Г. Прохоренко, Н.А. Романович, В.И. Чупров, Н.А. Шматко, П. Штомпка, Е.С. Яхонтова и др.).

4. Для исследования структуры молодежных интересов имеют значение публикации, авторы которых анализируют различные аспекты их формирования и реализации в современном российском обществе, акцентирующие внимание на противоречивом и нелинейном характере данного процесса (Ю.Р. Вишневский, А.С. Запесоцкий, В.И. Зубков, Т.И. Морозова, Г.Г. Николаев, Л.А. Лесина, Т.К. Ростовская и др.).

5. В работах, посвященных реализации молодежной политики в России, рассматриваются существующие в настоящее время механизмы обеспечения реализации и защиты интересов молодежи (М.Ф. Глухова, О.В. Дегтярева, С.О. Елишев, А.Я. Кибанов, А.А. Козлов, М.В. Ловчева, И.Л. Савельев, В.А. Смирнов, С.Н. Чирун и др.). При этом заслуживает особого внимания вывод о высоком уровне ее бюрократизации, обуславливающим значительное отчуждение от молодежи.

6. Для концептуализации социального механизма регулирования интересов молодежи в условиях конфликта представляют значение работы, посвященные социальной инженерии, социальным технологиям и социально-технологической культуре (В.П. Бабинцев, И.В. Бурмыкина, Е.С. Быкова, Л.Я. Дятченко, В.О. Михайлов, О.В. Ромашов, Р.И. Сарик, А.А. Ткачев, О.А. Уржа, Ж.А. Шаповал), позволяющие сформулировать сущность социально-технологического подхода к решению задачи обеспечения реализации и защиты интересов молодежи в условиях конфликта.

7. Обширный материал, позволяющий проанализировать социодинамику конфликтов, предоставляют работы, посвященные исследованию противоречий и конфликтов в молодежной среде, а также молодежного протеста (Е.В. Ануфриева, Д.В. Бушуев, Н.В. Дулина, М.Ю. Коваленко, А.А. Козлов, В.А. Котляров, Т.В. Черкасова и др.). Многие аспекты молодежных конфликтов в той или иной степени раскрыты в работах, посвященных социальным конфликтам на различном уровне социальной самоорганизации. Следует отметить, что проблематика молодежных конфликтов довольно активно разрабатывается западными учеными (М. Adelman, Z.F. Beykont, С. Daiute, D. Fougère, E. Lou, Sang Hea Kil и др.). Особое внимание ей уделяют, в частности, немецкие исследователи (S. Keppeler, A. Ohliger, W. Specht, S. Steigleder, H. Willems, Ch. Winkler и др.), где сформирована довольно эффективная система социальной защиты молодежи. Однако чаще всего молодежные конфликты рассматриваются ими в криминальном аспекте или в контексте социальной работы с молодежью, что объясняется спецификой современной ситуации в Германии.

Тем не менее, остаются недостаточно исследованными процессы формирования интересов молодежи в условиях изменяющейся реальности, возможностей и противоречий их реализации, перерастания нереализованных ожиданий в конфликты, взаимодействия молодежи с социальными институтами по поводу реализации ее интересов в ситуациях конфликта. Нуждаются в изучении теоретические подходы к разработке целостной концепции механизма социального регулирования процесса реализации интересов молодежи.

Таким образом, на основе представления об актуальности темы и степени ее научной разработанности можно сформулировать **проблему** диссертационного исследования. Она определяется противоречием между необходимостью совершенствования процесса реализации интересов молодежи в условиях молодежного конфликта и существующей системой институционального регулирования данного процесса.

Объектом настоящего диссертационного исследования выступает процесс реализации интересов молодежи; **предметом** исследования – институционально–субъектные взаимодействия в ходе реализации интересов молодежи в условиях конфликта.

Цель диссертационного исследования – концептуальное обоснование социального механизма регулирования процесса реализации интересов молодежи в условиях конфликта.

Задачи исследования:

- формулировка теоретических оснований исследования интересов молодежи и процесса их реализации;
- анализ становления социальной субъектности молодежи в условиях конфликтогенной среды;
- концептуализация феномена молодежных конфликтов, их особенностей и роли в процессе реализации интересов молодежи;
- анализ противоречий институционального регулирования реализации интересов молодежи в условиях конфликта;
- анализ специфики рефлексии молодежью препятствий, возникающих в процессе реализации интересов;
- определение характера репликации конфликтов в молодежном сознании;
- оценка потенциала капитализации социальных связей как ресурса реализации интересов молодежи в условиях конфликта;
- обоснование системного подхода к формированию институционально–субъектного механизма социального регулирования реализации интересов молодежи в условиях конфликта;
- интерпретация роли самоорганизации молодежи в процессе регулирования ее интересов в условиях конфликта;
- анализ социально–технологической компетентности участников конфликтов как регулятива процесса реализации интересов молодежи в условиях конфликта.

Гипотеза исследования заключается в следующих взаимосвязанных и взаимодополняющих предположениях.

Во-первых, индивидуальные и групповые интересы молодежи отражают ее социально-групповые особенности, а процесс их реализации сопровождается противоречиями, переходящими в конфликт с различными внешними акторами, участвующими в этом процессе.

Во-вторых, возможность возникновения конфликта имманентно заложена в специфике статуса молодежи как социальной группы, находящейся в состоянии становления собственной субъектности.

В-третьих, значимый потенциал решения проблем, возникающих в ходе реализации интересов молодежи в ситуациях конфликта, содержится в концепции социального механизма институционально-субъектного регулирования этого процесса.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют положения общей социологии, социологии молодежи, социологии конфликта и теории социальных технологий. При этом особое значение для решения поставленных задач имеют:

- синергетический подход к исследованию диссипативных процессов (В.А. Акчурин, В.Г. Буданов, К.Х. Делокаров, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий, И. Пригожин, И. Стенгерс, Г. Хакен и др.), позволяющий рассматривать социальное развитие молодежи как нелинейный, вариативный, бифуркационный процесс, осуществляющийся под воздействием комплекса разноуровневых аттракторов;

- социология нестабильности и риска (У. Бек, Э. Гидденс, М. Дуглас, А. Вилдавски, К. Дейк, Ю.А. Зубок, В.И. Зубков, Н. Луман, Н.Л. Смакотина, О.Н. Яницкий), положения которой дают возможность учесть влияние фактора неопределенности на формирование и реализацию жизненных интересов молодежи;

- теории социальных конфликтов (Г. Зиммель, Р. Дарендорф, Л. Козер, Т. Парсонс), на основе положений которых сформулировано представление об особенностях молодежных конфликтов;

- концепция интересов молодежи (С.Н. Иконникова, И.М. Ильинский, А.С. Кулагин, В.Т. Лисовский, В.И. Чупров), позволившая рассмотреть механизм их формирования и реализации;

- концепция социализации (Ф. Гиддингс, Э. Дюркгейм, Г. Тард, Ю. Хабермас, Э. Эриксон и др.), положенная в основание представлений о специфике социализационных траекторий молодых людей, интерпретации возникающих в ходе ее осуществления противоречий и проблем;

- теория социального капитала (П. Бурдьё, Дж. Коулмен, Р. Патнэм и др.), в контексте которой проанализирована проблема ресурсов молодежи в социальных конфликтах;

- концепции социальной защиты молодежи как направления государственно-общественной социальной политики (Н.А. Волгин, В.И. Жуков, Т. И. Заславская, А. Э. Котляр) и специфического социального института (И.Н. Ефимова, В.В. Радаев, В.Д. Роик, Л.П. Якушев и др.);

- теория социальных технологий (Н.С. Данакин, Л.Я. Дятченко, В.Н. Иванов, В.И. Патрушев, Ю.П. Сурмин, Н.В. Туленков, О.А. Уржа), на основе

которой институционально–субъектное регулирование реализации интересов молодежи в социальных конфликтах интерпретируется как отрефлексированная система алгоритмически выстроенных социальных практик.

В ходе исследования применялись общие и частные методы научного исследования: сравнительный анализ, системный анализ, библиографическое исследование, анализ документальных источников, анкетный опрос, глубинное интервью.

Эмпирическая база исследования включает:

- результаты авторских социологических исследований: «Социальные конфликты в российском регионе» (2012 год) – проведено методом анкетного опроса населения Волгоградской, Ростовской и Саратовской областей (n = 1488) и работников органов государственного и муниципального управления и институтов гражданского общества (n = 300); «Проблемы участия молодежи в региональных социальных конфликтах» (2014 год) – проведено в Белгородской и Волгоградской областях методом анкетного опроса населения (n = 1500), работников органов государственного и муниципального управления, гражданских институтов; «Стратегии поведения студенческой молодежи в конфликтах» (n = 510) – осуществлено методом анкетного опроса в 2015 году в вузах Волгоградской области; «Молодежные конфликты в обществе риска» – осуществлено методом анкетного опроса населения (n = 502), глубинного интервью молодых людей (n = 30) и работников органов государственной власти, негосударственных институтов (n = 25) в Волгоградской области в 2016 году; «Интересы современной молодежи» – проведено методом анкетного опроса молодежи в Волгоградской области (n = 501) в 2016 году; «Проблема реализации и защиты интересов молодежи в конфликтах» – проведено методом анкетного опроса молодежи в Белгородской и Волгоградской областях в 2017 году (n = 1000); «Реализация интересов молодежи в социальных конфликтах» – проведено автором в сентябре – декабре 2019 года методом анкетного опроса среди молодежи в возрасте 14 – 29 лет Белгородской, Волгоградской и Ростовской областей (n = 1000);

- вторичный анализ результатов социологических исследований, проведенных другими авторами, в том числе: исследования Т.И. Морозовой «Самоорганизация и атомизация молодежи как формы социокультурной рефлексии», проведенного в Белгородской, Воронежской и Курской областях в два этапа в 2008 году и в 2012 году; исследования «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости», осуществленного в 2016 году в вузах РФ, руководители – Ю.Р. Вишневский (г. Екатеринбург), Н. В. Дулина (г. Волгоград), Е. Н. Икингрин (г. Уфа–Нижневартовск) – n = 3964; исследования «Политические взгляды и протестный потенциал молодежи» (Фонд «Общественное Мнение», 2016 год); исследования «Либеральные и традиционные ценности студенческой молодежи г. Волгограда», выполненного с 25 сентября по 2 октября 2017 года в трех вузах Волгограда – Волгоградском государственном университете (ВолГУ), Волгоградском государственном техническом университете (ВолГТУ) и Волгоградском государ-

ственном социально–педагогическом университете (ВГСПУ) – руководитель Н.В. Дулина.

Информационную базу диссертации составили:

- федеральные и региональные нормативно–правовые документы, регламентирующие реализацию молодежной политики;
- статистические данные, характеризующие положение молодежи в России и отдельных субъектах Российской Федерации;
- материалы докладов о положении молодежи в России;
- публикации в средствах массовой информации, посвященные проблемам молодежи;
- материалы сайтов региональных органов по молодежной политике.

Соответствие темы диссертации требованиям паспорта специальности ВАК. Диссертация соответствует пунктам: 12. Социальные технологии в системе управления: сущность, формы, особенности; 24. Ценности, мотивы и ориентации личности в системе управления паспорта специальности 22.00.08 – «Социология управления».

Научная новизна исследования:

1) обоснован теоретический подход к социологическому изучению процесса формирования и реализации интересов молодежи в условиях ее конфликта, возникающего в связи с нереализованными ожиданиями;

2) доказано, что становление социальной субъектности молодежи, заключающееся в формировании способности к самостоятельным («суверенным») решениям и действиям, отражающим молодежную идентичность и транслирующим соответствующие этой идентичности субкультурные образцы на референтное окружение, выступает значимым конфликтогеном реализации молодежных интересов;

3) дано определение молодежного конфликта как крайней формы противоречий между молодежью, как социальной группой, и обществом, в основе которых лежит несоответствие ожидаемых и реальных возможностей в процессе реализации ее индивидуальных и групповых интересов и становления собственной субъектности;

4) предложено разделение молодежных конфликтов на внутренние, обусловленные особенностями сознания молодежи: лабильностью, экстремальностью, трангрессивностью, подверженностью глобализации, и внешние, возникающие в процессе ее взаимодействия с общественными институтами и структурами;

5) структурированы противоречия целеполагания и целедостижения молодежи, выступающие значимыми факторами формирования диспозиций ее как актора конфликтных взаимодействий;

6) выявлены факторы, определяющие экстремальность презентации интересов молодежи окружению как способа их реализации путем привлечения внимания общественности;

7) эмпирически верифицированы специфические характеристики основных социальных институций, осуществляющих регулирование процесса реализации интересов молодежи в социальных конфликтах;

8) установлено, что для массового молодежного сознания характерна тенденция к рационализации процесса реализации интересов в условиях конфликта, заключающаяся в вытеснении представлений аффективного и традиционного характера представлениями, опирающимися на рациональные смыслы;

9) определены особенности репликации в молодежном сознании конфликта как системного взаимодействия, основными элементами которого являются предмет, участники, «локация», функции, стратегии поведения;

10) установлено, что одним из наиболее перспективных, хотя и недостаточно используемых ресурсов реализации интересов молодых людей в условиях конфликта, становится социальный капитал, представляющий собой синергию личных связей, складывающихся в настоящее время в основном в четырех локациях: семейно–родственной, соседской, трудовых (в том числе и учебных) коллективов, виртуальных социальных сетей;

11) обоснована концепция институционально–субъектного механизма реализации интересов молодежи в условиях конфликта как системы, включающей в себя взаимосвязанных, взаимозависимых, конструктивно взаимодействующих, функционирующих на основе единых правил и принципов акторов, способных принимать и осуществлять посредством комплекса методов и технологий совместные решения, обеспечивающие согласование представлений и поведенческих практик молодых людей с общественными нормами в ситуациях противоборства в своей среде и с внешними референтами;

12) определена роль самоорганизации молодежи в механизме реализации ее интересов в условиях конфликта;

13) разработаны направления формирования социально–технологической компетентности как фактора регулирования реализации интересов молодежи.

На защиту выносятся следующие **основные положения**.

1. Специфика интересов молодежи детерминирована, с одной стороны, условиями ее жизнедеятельности, с другой стороны – особенностями молодежного сознания, отражающими трансгрессивный статус молодежи в социуме. Комбинация этих условий и факторов определяет характерные черты процесса формирования и реализации молодежных интересов: соединение элементов саморегуляции и целенаправленного регулирования, стихийности и управляемости; мощное внешнее манипулятивное воздействие, ведущее к появлению его превращенных форм; противоречивость; рационализация конфликтов.

2. Становление субъектности молодежи непосредственно связано с реализацией ее социально–групповых интересов. Конфликтогенный характер данного процесса определяется тем, что, во–первых, самостоятельный выбор как обязательный атрибут субъектности означает выход молодых людей из–под патронажа «взрослых»; во–вторых, ориентация на суверенное целеполагание и целеосуществление фактически означает отрицание традиционных поведенческих моделей; в–третьих, становление субъектности связано со статусной идентификацией молодежи, которая предполагает не только соот-

несение и отождествление с предложенными старшими поколениями социальными образцами, но и «дистанцирование от других»; в–четвертых, негативную реакцию старших поколений вызывают формируемые в ходе становления субъектности претензии молодежи на влияние, оказываемое на референтное окружение.

3. Молодежный конфликт представляет собой критическую (экстремальную) ситуацию межгруппового и внутригруппового взаимодействия. Экстремальность конфликта определяется: сочетанием функционального и дисфункционального начала, интенсивным характером взаимодействий участников конфликта, формированием стрессогенной среды с высоким уровнем психоэмоционального напряжения, непредсказуемостью исхода для участников и окружения. В структурном отношении молодежные конфликты включают в себя: конфликты между молодыми людьми и молодежными группами, конфликты между отдельными молодыми людьми и их группами, с одной стороны, представителями «взрослых» поколений и созданных этими поколениями институтами – с другой, так называемый «конфликт поколений».

4. Конфликты сопровождают все наиболее значимые процессы жизнедеятельности молодежи в обществе – социализацию, идентификацию и самореализацию. В ходе социализации они являются следствием противоречий между заинтересованностью молодого человека в активной адаптации к изменяющимся условиям и его стремлением к конформизму, между использованием молодежью социализационных практик и манипуляционным воздействием на нее. В процессе идентификации, предполагающей одновременное соотнесение субъекта с социальными образцами и разграничение себя и других, конфликт, как правило, связан с осознанием молодыми людьми своего несоответствия желаемой идентичности. В процессе самореализации возможность конфликта имплицитно содержится в демаркационной функции личного жизненного успеха, стимулирующей конкуренцию в молодежной среде.

5. Источники конфликтов с неизбежностью возникают в процессе осуществления молодежью стратегий целеполагания и целеосуществления. Возможности развития конфликтов в данном случае в значительной мере определяются тем, как эти стратегии соотносятся с условиями их реализации. Наиболее низкой становится вероятность конфликтов в случае комплементарной (взаимодополняющей) ситуации взаимодействия, когда направленность влияния внутриличностных и внешних факторов на процесс целедостижения полностью совпадает. Потенциально наиболее конфликтогенна контрпродуктивная ситуация, когда направленность влияния внутриличностных факторов на процесс целедостижения не совпадает с направленностью влияния внешних факторов. При наличии паллиативной ситуации, основанной на частичном совпадении факторов, создаются предпосылки избежать конфликта и достичь компромисса. В ситуации, характеризующейся имитацией взаимодействия, конфликт принимает отложенный характер.

6. Существенным фактором, определяющим процесс реализации интересов молодых людей в условиях конфликтов, становится экстремальность их презентации. Она способствует формированию конфронтационно ориентированных установок, в основе которых лежит комплекс негативных представлений о противоборствующей стороне; оказывает контрпродуктивное инверсивное влияние на структуру интересов, закрепляя и легитимируя среди них те, которые противостоят интересам окружающих; придает «конфликтоориентированным» интересам презентабельную форму, тем самым фундируя и легитимируя формирующиеся на их основе цели; стимулирует к агрессивным действиям; способствует утверждению комплекса мифологизированных представлений о диспозициях контрагентов.

7. Основными социальными институтами, регулирующими процесс реализации интересов молодежи в российском обществе, выступают: институция государственных и муниципальных служащих, «кластер» институций некоммерческих организаций, «кластер» семейно–родственных институций, «кластер» медийных институций, «кластер» конфессиональных институций, «кластер» медийных институций, «кластер» социальных сетей, институция экспертов–интеллектуалов. Анализ когнитивно–информационного, мотивационного, аксиологического и праксеологического аспектов их диспозиций позволяет выделить ряд общих подходов к регулированию реализации интересов молодежи: отсутствие ясного (концептуального) понимания своего образа действий, недостаточная способность критически оценить потенциал репрезентируемого социального института, повышенная критичность в отношении способности это сделать другими социальными институтами, редуцирование общественного характера возникающих проблем.

8. Рациональная рефлексия процесса реализации интересов в ситуациях конфликтов является необходимым условием саморегуляции конфликтного поведения молодежи. Она начинается с их осмысления, критической оценки опыта практического осуществления и формирования адекватного представления о содержании и структуре возникающих при этом препятствий. Рациональная рефлексия предполагает: достижение понятийной определенности в отношении собственных интересов; их контекстную интерпретацию; преодоление заблуждения относительно уникальности собственных устремлений; формирование установки на инструментально–технологический подход к практической реализации интересов; отказ от иллюзии решить жизненные проблемы «здесь и сейчас»; стремление логически обосновать собственный выбор стратегий поведения. Характер присущей молодым людям рациональной рефлексии определяет особенности формирования конфликтных зон, связанных с реализацией интересов. Эти зоны, как правило, возникают в непосредственной связи с попыткой осуществить приоритетные интересы при наличии представления об их особой значимости и одновременно о наличии препятствий для его реализации в сочетании с убежденностью в непреодолимости барьеров.

9. Репликация молодежью структурных элементов конфликта характеризуется дифференциацией его предметов. Во внутренних конфликтах они

обычно интерпретируются как следствие противоположности интересов, во внешних – противоположности мировосприятия и противодействия стремлению старших навязать свои представления о жизни. В плане «локации» конфликты наиболее часто связываются с микросоциальными факторами, инициируются, развиваются и разрешаются преимущественно в рамках микросреды. Молодые люди обращают приоритетное внимание на его демонстрационную, жизнеопределяющую и консолидирующую функции. Возможности конфликта, связанные реализацией социально-технологической функции, отражающей его способность разрешать противоречия с другой стороной, связываются преимущественно с внутригрупповыми отношениями. Выбор приоритетной стратегии поведения в любом типе конфликтов осуществляется, как правило, в пользу стратегии уклонения.

10. Капитализация социальных связей, которые могут быть использованы при реализации интересов в условиях конфликтов, осуществляется молодежью преимущественно в четырех локациях: семейно-родственной, соседской, трудовых (в том числе и учебных) коллективов, виртуальных социальных сетей. Наиболее высокую оценку молодые люди дают ресурсу семейно-родственных связей, остающихся востребованными в сложных жизненных ситуациях. Тем не менее, для молодых людей характерно представление о его недостаточной эффективности в пространстве публичного дискурса, равно как и ресурса соседской общины и трудовых коллективов. Значительно большие надежды для обеспечения реализации собственных интересов они связывают с социальными сетями и интернет-сообществами.

11. Коррекция процесса реализации интересов молодежи в ситуациях конфликтов, осуществляющаяся в форме социального регулирования, представляет собой форму «мягкого управления» и выражается в приведении его в соответствие с действующими в данный момент нормами и правилами. Для решения данной задачи необходим специфический социальный механизм, представляющий собой сложную систему социальных связей, образованных в процессе взаимодействий молодых людей со всеми, кто в той или иной мере причастен к реализации их интересов. Институциональный компонент механизма включает в себя: диагностико-аналитический, информационно-коммуникационный, нормативный и организационный блоки. Субъектный представляет собой последовательную рефлексию молодежью конфликтного процесса, элементами которой являются: анализ явлений, сопровождающих переход реализации интересов в конфликтное состояние; определение специфики препятствий, способствующих конфликту; репликацию конфликта как системы взаимодействий; выявление соотносительных позиций сторон конфликта; выбор формы презентации молодежью своих интересов.

12. Важнейшее значение в механизме социальной регуляции реализации интересов молодежи в условиях конфликтов играет ее самоорганизация. Регулирующая роль самоорганизации молодежи в процессе реализации ее интересов в условиях конфликта проявляется на пяти уровнях. На субкультурном уровне она представляет собой иницируемый и реализуемый молодежью процесс конструирования символических жизненных миров. Их пол-

нота и стабильность позволяет молодым людям дать ценностно–рациональное обоснование своим интересам. На институциональном уровне определяются способы реализации интересов молодежи в конфликтах со структурами власти и институтами гражданского общества. На уровне молодежных общественных объединений создаются и актуализируются ресурсы для реализации интересов в межгрупповых конфликтах. На уровне межличностных связей, как правило, осваиваются практики реализации интересов преимущественно в конфликтах бытового характера. На личностном уровне молодой человек упорядочивает систему внутриличностных установок и определяет основания, побуждающие его к отказу от девиантных форм поведения.

13. Социально–технологическая компетентность акторов как фактор регулирования процесса реализации интересов молодежи в условиях конфликтов представляет собой обладание навыками рационального, последовательного и рефлексивного использования стандартов поведения в конфликтных ситуациях, готовность их применить в соответствии с социальными нормами и при условии минимизации необоснованных ресурсных затрат. Содержание социально–технологической компетентности меняется в зависимости от статуса субъекта и характера решаемых им в конфликтах задач. Для молодежи она воплощается в способности и готовности к рациональному выбору и выстраиванию жизненной стратегии. Для институализированных контрагентов молодежи – в способности и готовности выстроить государственно–общественную молодежную политику с учетом баланса собственных интересов и интересов ее объекта, наладить конструктивные коммуникации с различными молодежными группами, обеспечить безопасность молодежи, освоить технологии предотвращения и регулирования конфликтов. Для неинституционализированных акторов – в способности и готовности максимально взвешенно оценить интересы молодежи, структуру и природу барьеров, возникающих в процессе их реализации; воспринимать молодежные конфликты как вполне естественную форму; овладеть приемами реализации конструктивной стратегии поведения в конфликтных ситуациях.

Достоверность результатов диссертационного исследования определяется обоснованностью методологических принципов социологического анализа, глубокой теоретической проработкой проблем, валидностью эмпирической базы, обеспеченной репрезентативностью выборок, апробацией полученных материалов, подтвержденным внедрением его результатов.

Научно–практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты дополняют и уточняют ряд концептуальных положений российской социологии молодежи, связанных с интерпретацией структуры молодежных интересов, пониманием социальной субъектности молодежи как специфического социального конфликтогена; анализом содержания социального капитала молодежи как ее важнейшего ресурса во взаимодействиях с контрагентами.

В работе представлена структура социального механизма регулирования процесса реализации интересов молодежи в социальных конфликтах, ко-

торый может быть использован при разработке и осуществлении государственно–общественной молодежной политики.

Программа и инструментарий проведенного социологического исследования могут применяться для диагностики проблем социального развития молодежи.

Сформулированные в диссертации положения могут использоваться в ходе преподавания в учреждениях высшего образования таких учебных дисциплин, как социология, социология молодежи, конфликтология, социология управления.

Апробация работы. Теоретические результаты и практические предложения авторского исследования апробированы в выступлениях на Международной научной конференции – Четвертые Санкт–Петербургские социологические чтения «Социальные технологии в современном обществе» (г. Санкт–Петербург, 2012 г.), Международной научно–практической конференции «Гражданское общество и правовое государство» (г. Барнаул, 2013 г.), Международной научно–практической конференции «Инновационное развитие и кадровый потенциал молодежной и социальной сферы» (г. Санкт–Петербург, 2013 г.), Международной научно–практической конференции «Современные тенденции в образовании и науке» (г. Тамбов, 2013 г.), Международной научно–практической конференции «Векторы развития современной науки» (г. Уфа, 2014 г.), Международной научно–практической конференции «Инновационные технологии научного развития» (г. Уфа, 2015 г.), VII Орловских социологических чтениях «Молодежь в современном обществе риска» (г. Орел, 2016 г.), Всероссийской научно–практической конференции «Актуальные проблемы социологии культуры, образования, молодежи и управления» (г. Екатеринбург, 2016 г.), Всероссийской научно–практической конференции «Становление и развитие гражданского общества в российских регионах» (г. Воронеж, 2016 г.), XXXIV Международной научно–практической конференции «Приоритетные научные направления: от теории к практике» (г. Новосибирск, 2016 г.), Международной научно–практической конференции «Проблемы внедрения результатов инновационных разработок» (г. Уфа, 2017 г.), XII Международной научно–практической конференции «Социально–экономические исследования, гуманитарные науки, юриспруденция» (г. Новосибирск, 2017 г.), VII Международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях» (г. Москва, 2017 г.), Всероссийской научно–практической конференции «Государственная молодежная политика в системе развития человеческого капитала: наука и практика» (г. Москва, 2017 г.), II Научно–практической интернет–конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений» (г. Вологда, 2017), Международной научно–практической конференции «Современные социальные технологии в работе с молодежью» (г. Уфа, 2017 г.), Научно–практической конференции «Современные технологии государственного и муниципального управления» (г. Белгород, 2017 г.), Международной научно–практической конференции «Фундаментальные и прикладные социально–

гуманитарные исследования» (г. Челябинск, 2018 г.), II Международной научной конференции «Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма» (Грозный, 2019 г.); I Международной конференции по бизнес-технологиям для устойчивой экологической системы (BTSES–2020) – Алматы, 2020 г.

Публикации. По теме исследования опубликованы 64 работы общим объемом 53,92 печатных листа, в том числе 20 – в изданиях по перечню ВАК 5 – в изданиях, рецензируемых в международных базах Scopus, Web of Science. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Структура диссертационной работы обусловлена целью и задачами исследования. Она состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, раскрыта степень научной разработанности проблемы, сформулированы объект, предмет, цель и задачи исследования, гипотезы, определены теоретико-методологические основания исследования, эмпирическая база и методы, показана научная новизна, теоретическая и практическая значимость, представлены положения, выносимые на защиту, приведены сведения о структуре работы и об апробации результатов.

Первая глава диссертации – **«Теоретико-методологический подход к исследованию проблемы конфликта в процессе реализации интересов молодежи»**.

В первом параграфе главы **«Сущность, особенности и структура индивидуальных и социально-групповых интересов молодежи»** анализируется понятие молодежного интереса как реальной причины деятельности молодых людей, направленной на удовлетворение их потребностей, лежащей в основе непосредственных побуждений, мотивов, идей и т. п. и определяющей положением, и ролью молодежи в сложившейся системе общественных отношений. Подчеркивается, что молодежь как социально-демографическая группа характеризуется особыми интересами, которые отражают ее объективные потребности и роль в общественном воспроизводстве.

В структуре интересов молодежи выделяются личные (индивидуальные) и социально-групповые. Социально-групповые интересы образуются на базе взаимодействия личных (индивидуальных) интересов молодых людей, но не сводятся к ним. Они детерминируют интересы личности на основе ее принадлежности к определенной социальной общности, характеризующейся спецификой жизненного уклада и положения в обществе.

Чтобы стать общественными, индивидуальные интересы должны быть агрегированы и артикулированы, превращаясь при этом в феномены группо-

вого сознания и поведения и трансформируясь в ходе внутригрупповых интеракций.

Содержание молодежных интересов определяется, с одной стороны, особенностями ее статуса, к числу которых относятся: транзитивность; кратковременность и неполнота социального положения; многообразие молодежных субкультур. С другой стороны, оно является отражением и выражением специфики группового молодежного сознания, которое отличается лабильностью, экстремальностью и трангрессивностью.

Важную роль в формировании и реализации интересов молодежи играет их связь с ценностями. Символизируя нечто значимое для молодых людей, ценности коррелируют с понятием идеала–эталона, наполняя их интересы социальным смыслом.

Реализация интересов молодежи, во–первых, представляет собой процесс изменения группового молодежного сознания, специфических потребностей интересов и ценностей молодежи под влиянием присущих ей социально–групповых особенностей; во–вторых, процесс целенаправленного регулирования со стороны общества, его различных структур и институтов. Осуществление интересов включает в себя и их защиту как целенаправленную духовно–идеологическую и предметно–практическую деятельность общественных институтов, задачей которой является предотвращение или минимизация опасностей и угроз.

Таким образом, процесс формирования и реализации молодежных интересов, во–первых, соединяет в себе элементы саморегуляции и целенаправленного регулирования, стихийности и управляемости. Во–вторых, он испытывает мощное внешнее манипулятивное воздействие референтной среды, что ведет к появлению его превращенных форм. В–третьих, он внутренне противоречив. При этом наиболее типичными являются противоречия между потребностями и дефицитом ресурсов для их удовлетворения; между сознательным выбором объектов интереса и реальными условиями его реализации; между общественными, групповыми и индивидуальными интересами.

Во втором параграфе главы **«Становление социальной субъектности молодежи в условиях конфликтогенной среды»** развитие молодежи рассматривается как процесс формирования у нее качества субъектности.

Социальная субъектность определяется в работе как свойство человека, группы или общества, выраженное в их способности принимать самостоятельные решения, отражающие собственную идентичность, и осуществлять в соответствии с ними автономные действия, оказывая при этом влияние на поведение контрагентов.

Процесс становления субъектности молодежи изначально противоречив, связан с взаимопереходами состояний совершающих его субъектов, что определяется, с одной стороны, спецификой феномена субъектности; с другой – условиями ее становления. Во многих случаях противоречия перерастают в открытые и латентные конфликты.

В ходе анализа противоречий становления субъектности и конфликтов выделяются два взаимодополняющих подхода.

В рамках первого становление субъектности молодежи рассматривается как формирование и проявление специфического социального конфликтотена. Во-первых, потому что самостоятельный выбор как обязательный атрибут субъектности означает выход молодых людей из-под патронажа «взрослых», что не может не вызывать недовольство и раздражение заметной части последних. Во-вторых, суверенное целеполагание и целеосуществление как элементы жизненных стратегий молодых людей фактически означают отрицание традиционных моделей, что также часто негативно воспринимается референтными «взрослыми». В-третьих, становление субъектности связано со статусной идентификацией молодежи, которая предполагает не только соотношение и отождествление с предложенными социальными образцами, но и «дистанцирование от других», прежде всего, от старших поколений, их традиций и эталонов поведения. Это нередко ведет к взаимному непониманию и отчуждению. В-четвертых, претензии на влияние, оказываемое на референтное окружение, не могут не вызывать протест, поскольку рассматриваются некоторыми представителями старших поколений, особенно самостоятельно и в результате больших усилий сделавшими свою карьеру, как не подкрепленные достаточными аргументами в виде опыта, компетентности.

Во втором подходе главный упор делается на изучении противоречий как источников конфликтов внутри самой молодежи, возникающих в процессе становления ее субъектности, а конфликтотенность понимается как выраженная противоречивость интересов различных социальных субъектов по поводу понимания путей решения социально значимых проблем, борьба между ними. С теоретических позиций такого подхода конфликты рассматриваются как свойство, атрибут становящейся субъектности молодежи и изучаются как естественный процесс нарастания противоречий во взглядах, интересах и ценностях.

Содержание третьего параграфа **«Молодежные конфликты: концептуализация феномена»** раскрывает содержание молодежных конфликтов.

Молодежный конфликт рассматривается как крайняя форма противоречий между молодежью, как социальной группой, и обществом, в основе которых лежит несоответствие ожидаемых и реальных возможностей в процессе реализации ее индивидуальных и групповых интересов и становления собственной субъектности. При этом он интерпретируется в качестве критической (экстремальной) ситуации межгруппового и внутригруппового взаимодействия.

Экстремальность конфликта определяется: сочетанием функционального и дисфункционального начала; интенсивным характером взаимодействий участников, требующих напряжения их сил; формированием стрессогенной среды; непредсказуемостью исхода для конфликтантов и окружения.

Молодежные конфликты носят многоуровневый характер и не должны сводиться только к межличностному противостоянию. Наличие у молодежи социально-групповых интересов позволяет распространить область применения данного понятия на противоречивые взаимоотношения не только на микро-, но и на мезо- и макроуровень.

В структурном отношении молодежные конфликты – это: конфликты между молодыми людьми и молодежными группами; конфликты между отдельными молодыми людьми и их группами, с одной стороны, представителями (выступающими индивидуально или в составе группы) «взрослых» поколений и созданных этими поколениями институтами, с другой; так называемый «конфликт поколений», обычно трактуемый как противостояние молодежи в целом старшим поколениям.

Молодежные конфликты характеризуются: наличием источника, в качестве которого выступают социальные противоречия; функционированием как нормы жизнедеятельности молодежи; наличием ситуации противоборства; обусловленностью статусно-ролевым положением молодых людей и молодежных групп в системе общественных отношений; возникновением, как следствия осознания невозможности разрешить противоречия иным, кроме конфликта, способом; амбивалентностью: любой из них одновременно функционален и дисфункционален; обусловленностью протекания и разрешения субъективным фактором; управляемостью.

В четвертом параграфе главы **«Конфликты в реализации интересов молодежи»** рассматривается взаимосвязь многообразных противоречий и конфликтов, связанных с особенностями структуры интересов молодежи.

Условно противоречия и конфликты можно разделить на внутренние и внешние. На содержание и уровень проявления внутренних противоречий и конфликтов оказывают влияние особенности молодежного сознания – его лабильность и трангрессивность. Внешние противоречия и конфликты, связанные с реализацией интересов молодежи, являются частью процесса ее взаимодействия с общественными институтами и структурами. Они возникают в социально–групповых практиках молодежи – в социализации, в социальной адаптации, в социальной идентификации, в самореализации.

Так, в процессе социализации возникают противоречия между установленными социальными нормами и отсутствием стремления у молодых людей следовать им в реализации собственных интересов; между их установками на саморегуляцию и использованием внешними референтами манипулятивных практик.

Идентификационный процесс реализуется в молодежной среде в виде четырех стратегий жизнестроительства: культурно-цивилизационной, статусной, институциональной, персоналистской. В условиях современной России на региональном уровне все они включают в себе сравнительно незначительный конфликтный потенциал, который, однако, постепенно нарастает. Тем не менее, этот рост ограничен рядом факторов: неспособностью современной молодежи (в силу своей маргинальности и транзитивности) представить собственную систему ценностей, реально конфронтирующих с доминирующими в публичном пространстве; встраиванием молодежи в институциональную систему общества; индивидуализацией и «атомизацией» молодежной среды.

Наиболее значимым для стимулирования внешних молодежных конфликтов является процесс самореализации, который обычно рассматривается

как достижение жизненного успеха, выступающего в качестве важнейшего демаркатора как в самой молодежной среде, так и между молодежью и «взрослыми» референтами. Он все чаще сопрягается с отказом руководствоваться жесткими нормами, уважать позицию окружающих, находить с ними баланс интересов. Это ведет к взаимному отчуждению и нередко к противостоянию, выраженному в крайних (насильственных) формах.

Глава вторая «Формирование диспозиций акторов молодежных конфликтов».

В первом параграфе главы **«Противоречие целей и возможностей в реализации интересов как источник формирования диспозиции молодежи в ситуациях конфликта»** утверждается, что приводящие к конфликтам действия молодых людей всегда целеориентированы. При этом цели становятся конечными результатами реализации интересов. Но в процессе их достижения возникают новые противоречия и конфликты – с внешними акторами.

Эмпирический анализ эволюции целей молодежи дает представление о характере влияния изменений жизненных целей молодежи на процесс включения ее в конфликты, обусловленного следующими обстоятельствами:

- снижение установок на семейное счастье (с 69% в 1997 году до 49% в 2019) с неизбежностью приведет к модификациям молодежных семейно-брачных практик, значительная часть из которых содержит конфликтогенный потенциал, поскольку, по меньшей мере, в современной ситуации нередко вступает в противоречие с традиционными моделями семейно-брачного поведения;

- ориентация части молодежи (12,4% в 2019 году) на карьеру стимулирует конкуренцию в образовательном пространстве, на рынке труда и в трудовых коллективах, следствием которой, непременно, будут локальные межличностные противостояния;

- конфликты возникают и будут возникать как результат стремления молодежи к самореализации (13% в 2019 году) в условиях, когда социальные лифты бездействуют в отношении большей части молодых людей;

- в намерении значительной части молодых людей связать свою деятельность со сферой распределения социальных ресурсов и материальных благ (практически каждый пятый респондент) в условиях распространенной в стране коррупции содержится реальная причина роста протестной активности в молодежной среде.

Причинами выявленных противоречий конфликтогенного характера являются:

- высокий уровень социального расслоения социума, сужающий пространство, в рамках которого возможна постановка и реализация молодыми людьми амбициозных целей;

- воспроизводство большей частью молодежи традиционных смысло-жизненных ценностей, довольно часто неадекватных применяемым в современном обществе инструментам организации жизни;

- несоответствие амбиционных целей ограниченному опыту использования социальных практик;

- применение политическими институтами в отношении молодежи манипулятивных технологий, несовместимых с установками на саморегуляцию и самоорганизацию.

Вероятность конфликтов в процессе целеполагания в значительной степени определяется тем, как молодежные стратегии достижения целей соотносятся с внешними обстоятельствами. Наименее реальны они при осуществлении редкого для российских условий комплементарного варианта взаимодействия, когда обстоятельства прямо содействуют реализации молодежных целей. Конфликты неизбежны при также редко встречающемся контрпродуктивном варианте, заключающемся в непосредственном формировании условий, которые прямо препятствуют достижению молодыми людьми своих целей. На практике чаще всего имеют место паллиативный и имитационный варианты. Первый сводится к открытию молодежи возможностей в одних сферах и к их ограничению – в других и ведет к возникновению фрагментарных конфликтов. Второй, инициирующий латентные, отложенные конфликты, наиболее распространен и деструктивен; он связан с симуляцией социальных практик.

Второй параграф главы «Экстремальность презентации молодежью собственных интересов в формировании ее диспозиций в процессе эскалации конфликтов».

Эскалация молодежного конфликта в ряде случаев определяется не только содержанием интересов его участников, но и формой их презентации внешнему окружению. При комплементарной диспозициям контрагентах форме вероятность возникновения конфликта снижается, при экстремальной, то есть рассматриваемой реальными и потенциальными участниками конфликта как отклоняющаяся от принятых стандартов поведения, – возрастает.

Особенностями презентации молодежью собственных интересов, стимулирующими конфликты, являются:

1. *Формальная декларация неудовлетворенности обществом при преобладающей установке на адаптацию к нему.* Опросы демонстрируют высокий уровень такой неудовлетворенности. Проведенное в 2016 году исследование «Интересы современной молодежи» показало, в частности, что только 17,6% респондентов удовлетворены обществом, в котором они живут. Коллизию, детерминирующую молодежное сознание, допустимо определить как конфликт одновременной презентации доминирующей адаптационной модели и «нонконформистских» установок личности, обусловленных спецификой возраста и реального социального положения.

2. *Неадекватность представления молодежью идентификационных стратегий стандартам публичного дискурса.* На культурно-цивилизационном уровне это проявляется как заметная девальвация российской идентичности, что противоречит ведущему (патриотическому) публичному тренду государственной политики. Исследование «Интересы современной молодежи» показало, что менее половины молодых людей (47,5%) отно-

сят себя к представителям российской культуры. Довольно велики доли тех, кто идентифицирует себя с мировой (15,8%), европейской (12,6%) и евразийской (10,8%) культурой. Гражданином России ощущают себя 28,1% молодых людей. В то же время гражданином мира – 17,6%; европейцем – 10%.

Не менее противоречивой является презентация идентификационного статусного интереса, представляющего собой процесс и результат выбора молодыми людьми группы, отождествление с которой рассматривается как условие обеспечения жизненного успеха, повышения собственного престижа.

Исследование позволяет выделить четыре наиболее типичных презентации идентификационных статусных интересов российской молодежи: политико-управленческая (20,8%); рыночная экономическая (19,4%); интеллектуально-творческая (18,8%) и масс-культурная (19,4%). Крайне слабо выражены презентации, которые можно определить как социально-востребованную и продуктивно-трудовую, что ведет к рассогласованию установок и ориентаций молодых людей с обычно предлагаемыми им (якобы от имени общества) в качестве эталонных.

3. Индивидуализация и прагматизация успеха. Несмотря на различия представлений о содержании успеха, молодые люди не только не скрывают его утилитарно-прагматической интерпретации, но и откровенно противопоставляют вызовам, формулируемым в публичном пространстве как идущим от имени социума, а также рассматривают успех в качестве важнейшего социального демаркатора в своей среде. Это обуславливает конфликты между «продвинутыми» молодыми людьми и «лузерами».

В третьем параграфе главы **«Специфика институционального регулирования реализации интересов молодежи как фактор формирования диспозиций внешних акторов в ситуациях конфликта»** отмечается, что процесс реализации интересов молодежи определяется не только самими молодыми людьми, но является объектом регулирующего воздействия практически всех социальных институтов. При этом регулирующее воздействие они осуществляют опосредованно, через социальные институты, представляющие собой конвенционально принятые людьми правила группового поведения, которые структурируют их социальные взаимодействия в социокультурной среде общества. По сравнению с социальными институтами они являются более гибкими структурами, позволяющими учитывать в ходе регулирования конфликтных взаимодействий, избегая обезличенного восприятия конфликтующих сторон.

Основными социальными институтами, регулирующими процесс реализации интересов молодежи в российском обществе, выступают: институты государственных и муниципальных служащих; «кластер» институций некоммерческих организаций; «кластер» семейно-родственных институций; «кластер» медийных институций; «кластер» профессиональных институций; «кластер» медийных институций; «кластер» социальных сетей; институция интеллектуалов, представленная научно-экспертным сообществом.

Эмпирическая оценка диспозиций рассмотренных институций дает основания для определения ряда присущих им общих черт отношения к регулированию интересов молодежи:

- отсутствие ясного (концептуального) понимания своего образа действий в ситуациях конфликта;
- недостаточная способность критически оценить потенциал репрезентируемого социального института при решении задачи регулирования реализации молодежных интересов;
- повышенная критичность в отношении способности это сделать другими социальными институтами;
- отнесение этих задач к компетенции самой молодежи и тем самым редуцирование общественного характера проблемы.

Можно утверждать, что для акторов институционального регулирования реализации интересов молодежи в ситуациях конфликта характерен отстраненно-просветительский подход к решению возникающих в ходе этой деятельности проблем. Процесс регулирования воспринимается ими как следствие усилий самой молодежи. В тех случаях, когда они связывают эту работу с собственными задачами, она сводится преимущественно к защитной деятельности.

Все это существенно минимизирует регулятивный потенциал институций и – как следствие – ведет к повышению значимости субъектной составляющей процесса регулирования.

Третья глава диссертации **«Субъективные основания трансформации противоречий в реализации интересов молодежи в состоянии конфликта»**.

В первом параграфе **«Рефлексия молодежью конфликтных зон, возникающих в процессе реализации интересов»** подчеркивается, что для значительной части молодых людей характерно более или менее последовательное стремление к рационализации конфликтов, заключающейся в вытеснении связей и представлений аффективного и традиционного характера представлениями, опирающимися на рациональное мышление. Это, прежде всего, относится к рефлексии препятствий, возникающих при осуществлении индивидуальных и групповых интересов.

Анализ результатов исследования «Реализация интересов молодежи в социальных конфликтах», проведенного в 2019 году, позволяет выявить обусловленные характером отношения молодежи к барьерам реализации интересов потенциально конфликтные зоны, ранжированные как наиболее конфликтная, умеренно конфликтная, минимально конфликтная.

Так, наиболее конфликтные зоны, возникающие при осуществлении базовых индивидуальных интересов, связаны с реализацией намерения уехать в другую, более благополучную страну, прославиться и добиться власти. Умеренно конфликтные формируются при осуществлении намерений обеспечить материальное благополучие; построить карьеру; принести пользу человечеству и своей стране; найти работу; обеспечить достойное будущее детям; реализовать талант и способности; получить признание в сетевых со-

обществах. Минимально конфликтные связаны с обретением семейного счастья; занятием благотворительностью; возможностью любить и быть любимым; получением образования; обретением хороших друзей; сохранением здоровья и физическим развитием; возможностью стать хорошим специалистом.

В сфере образования наиболее конфликтные зоны в основном связаны с возможностью получения образования за рубежом; развитием творческих способностей; умеренно конфликтные – с получением современных знаний, минимально конфликтные – с намерением успешно сдать ЕГЭ и поступить в вуз; получить аттестат, диплом; участвовать в школьной и студенческой жизни.

В трудовой сфере наиболее конфликтные зоны формируются при реализации интересов, связанных с обеспечением достойного заработка; хороших условий труда и интересной работы; умеренно конфликтные – с улучшением содержания труда; установлением дружеских отношений в коллективе; минимально конфликтные – с организацией бизнеса.

В области потребления наиболее конфликтная зона складывается в связи с решением задачи увеличения денежного дохода; умеренно конфликтные – в связи со строительством, приобретением загородного дома; желанием сменить регион проживания, переехать из села в город; минимально конфликтная – с приобретением продуктов, товаров, предметов роскоши.

В сфере досуга наиболее конфликтная зона образуется при реализации желания путешествовать, посещать другие города и страны. Осуществление широкого спектра иных досуговых интересов не обладает значительным конфликтным потенциалом.

В политике – наиболее конфликтная зона возникает при реализации участия в политических мероприятиях, проводимых политическими организациями. Умеренно конфликтные зоны формируются в связи с участием в протестных акциях, включением в политическую деятельность. Минимально возможны конфликты в случае участия молодых людей в выборах и в работе политических партий.

В отношении групповых интересов молодежи наиболее конфликтные зоны включают реализацию интересов, выражающихся в сохранении и продолжении культурных и национальных традиций и в предотвращении возрастной дискриминации и манипулирования молодежью. Умеренно-конфликтные – поддержание стабильности и порядка в обществе; совершенствование отношений в обществе; обретение жизненного успеха; самореализация. Минимально конфликтные – успешное включение в общественную жизнь; объединение и солидарность с единомышленниками, формирование молодежной идеологии.

Во втором параграфе **«Репликация конфликтов в молодежном сознании»** анализируются особенности воспроизводства (или самовоспроизводства) в молодежном сознании конфликта как системы, включающей в себя предмет, источники, участников, функции и стратегии поведения.

Исследование показало, что предметное поле конфликтов чаще всего интерпретируется молодыми людьми либо в контексте несовместимости интересов (55,5%), либо противопоставления убеждений (36,6%). Заметно реже молодые люди рассматривают в качестве предмета конфликта конкуренцию в ходе работы или учебы (26,5%); борьбу за лидерство, за признание (25,9%); неприязнь из-за спортивных, музыкальных и других пристрастий (19,4%); принадлежность к соперничающим группам, компаниям (11,8%); ощущение инаковости контрагента (8,9%). Во внешних конфликтах молодые люди акцентируют внимание главным образом на противоположности мировосприятия (47,6%) и стремлении навязать им свои представления о жизни (45,8%).

Характеризуя типичных участников конфликтов, 57,8% молодых людей указывают: конфликты у них обычно происходят с другими молодыми людьми, разделяющими иные интересы, 54,3% – с родителями, родственниками и соседями, то есть с представителями старших поколений, входящих в ближайшее окружение. Только 11,1% респондентов вступают в конфликты с представителями органов власти; 4,8% – силовых структур. 21,8% конфликтуют с коллегами по работе или учебе. В последнее время все более частыми становятся конфликты в социальных сетях (22,8%). Специфика репликации типичных противников молодежи позволяет утверждать, что молодежный конфликт «локализован» преимущественно во внутригрупповой среде.

Мышление молодых людей характеризуется разнообразием репликации его наиболее значимых функций. Молодые люди в своем большинстве обращают приоритетное внимание на демонстрационную (45,2%), жизнеопределяющую (35,6%) и консолидирующую (32,9%) функции конфликта. Возможности конфликта, связанные с реализацией социально-технологической функции, отражающей его способностью разрешать противоречия с другой стороной, связываются преимущественно с внутригрупповыми отношениями. Около трети респондентов акцентируют внимание на деструктивной функции.

Приоритетной стратегией поведения для молодежи в любом типе конфликтов является стратегия уклонения (40,4%). Однако молодые люди, стремясь отстаивать собственную субъектность, почти в два раза чаще во внешних конфликтах, по отношению к внутренним, выбирают стратегию противоборства (соответственно 5,1% и 12,5%), что дает основания предполагать: в таких конфликтах имплицитно заключается и в перспективе найдет свое выражение протестный потенциал молодежи.

В третьем параграфе «**Капитализация социальных связей как ресурс реализации интересов молодежи в условиях конфликта**» доказывается, что социальный капитал становится одним из важнейших ресурсов реализации интересов молодежи в ситуациях конфликта.

Анализ показывает: наиболее позитивно молодежь оценивает ресурс межличностных связей, формирующийся в рамках семейно-родственной локализации, где он приобретает ряд важных для реализации интересов молодежи черт: индивидуализация; доверительность; неформальность; специфические (нерыночные) формы компенсации.

Однако на практике семейно–родственные связи оказываются обычно недостаточно эффективными в пространстве публичного дискурса. Показательно, что в случае угрозы интересам за помощью к родственникам намерены обращаться лишь 7,4% молодых людей.

В молодежном сознании доминирует представление об относительно незначительных возможностях и перспективах использования межличностных связей, формировавшихся в рамках соседской локации. Лишь немногие молодые люди рассчитывают на них в ходе реализации своих интересов в условиях конфликта.

В принципе довольно значительные возможности открываются для процесса формирования социального капитала в трудовых, в том числе в учебных, коллективах. Но, несмотря на относительную доверительность «внутриколлективных» отношений, только 5,9% молодых людей предпочли бы обратиться к коллегам в случаях, когда сами не могут реализовать свои интересы в условиях конфликта.

Все чаще в качестве структур, позволяющих компенсировать издержки взаимосвязей, формирующихся в реальном социальном пространстве, молодыми людьми рассматриваются социальные сети. Высокий уровень позитивной рефлексии сетевой формы социального капитала отражает относительно новый аспект социальной реальности, заключающийся в повышении роли социальных сетей в публичном пространстве. Они, по мнению молодежи, имеют значительные возможности влияния на социальные институты и общественное мнение и в условиях конфликта.

Четвертая глава диссертации **«Концептуализация социального механизма регулирования процесса реализации интересов молодежи в условиях конфликта».**

Первый параграф главы **«Системный подход к формированию институционально-субъектного механизма регулирования процесса реализации интересов молодежи в условиях конфликта».**

В нем отмечается, что наиболее оптимальной технологией, позволяющей решить проблемы, возникающие при реализации интересов молодежи в условиях конфликта, является технология социального регулирования (социальной регуляции). Она в конкретных жизненных ситуациях применяется при решении молодежных проблем, но обычно не носит системного характера, требующего целостности и формирования ядра системы, которое выступает в качестве ее главного аттрактора. Таким аттрактором должны стать социальные нормы, играющие в ходе регуляции ключевое значение. Поэтому необходимым условием системного подхода к регулированию процесса реализации интересов молодежи в условиях конфликта должно быть предварительное достижение гражданской конвенции относительно пределов допустимого во взаимоотношениях как в самой молодежной среде, так между молодежью и основными социальными институтами. Подобная конвенция может стать ключевым элементом системы властно-общественных договоренностей по предельно широкому кругу молодежных проблем.

Это, в частности, предполагает своеобразное «переформатирование» действующей модели государственной молодежной политики в направлении усиления ее коммуникативной составляющей, ориентации на активное социальное партнерство участников, акцента на регулирующей функции.

Одним из следствий решения данной задачи является формирование механизма регулирования процесса осуществления интересов молодежи, представляющего собой систему, которая включает в себя взаимосвязанных, взаимозависимых, конструктивно взаимодействующих, функционирующих на основе единых правил и принципов акторов, способных принимать и осуществлять посредством комплекса методов и технологий совместные решения, обеспечивающие согласование представлений и поведенческих практик молодых людей с общественными нормами в ситуациях противоборства в своей среде и с внешними референтами.

Особенностью механизма является его институционально–субъектный характер, который предполагает сочетание саморегуляции молодых людей как самостоятельных акторов и внешнюю регуляцию в рамках, заданных легитимированными в обществе ценностями и нормами.

В структурном отношении механизм регулирования процесса реализации интересов молодежи складывается из двух компонентов: институционального и субъектного. Институциональный включает в себя несколько блоков.

1. *Диагностико-аналитический.* Задачей его является комплексный анализ проблемы молодежных конфликтов с учетом общей конфликтологической ситуации.

2. *Информационно-коммуникационный блок.* Задачей, реализуемой в рамках данного блока, является обеспечение участников регулирования достоверной и полезной информацией, налаживание на ее основе конструктивного взаимодействия между ними.

3. *Нормативный.* Этот блок включает в себя действия, связанные с разработкой и принятием правовых актов, обеспечивающих регулирование реализации интересов молодежи в социальных конфликтах, а также с установлением системы неформальных, конвенционально одобренных норм, которые готовы соблюдать молодежь и ее контрагенты.

4. *Организационный блок* включает в себя процедуры, связанные с определением акторов, способных и готовых обеспечивать регулирование реализации интересов молодежи в ситуациях конфликта, а также с формированием и наращиванием их потенциала для осуществления этой деятельности.

Субъектный компонент механизма может быть представлен как последовательная рефлексия молодежью конфликтного процесса. Элементами ее являются:

– анализ процессов, сопровождающих переход реализации интересов молодежи в конфликтное состояние, включая рационализацию конфликтов, предполагающую определение наиболее значимых потребностей, оценку

возможностей их удовлетворения и необходимых для этого внутренних и внешних ресурсов;

- определение специфики препятствий, способствующих конфликту; выявление их источников, а также возможностей преодоления;

- репликация конфликта как системы взаимодействий участников, преследующих специфические интересы;

- выявление соотносительных позиций сторон конфликта, связанное с отказом от их демонизации, обычно выражающейся в вытеснении адекватного образа другого образом врага; росте недоверия; возложении на оппонента вины за собственные неудачи; отождествлении противника со злом и отказе ему в сочувствии;

- выбор формы презентации своих интересов, которая не оскорбляет чувства рефрентов, как непосредственно участвующих в конфликте, так и являющихся сторонними наблюдателями.

«Ядерной» проблемой формирования институционально-субъектного механизма регулирования реализации интересов молодежи в социальных конфликтах становится проблема выстраивания эффективных коммуникаций между субъектами этой деятельности. Перспективной организационной формой такой коммуникации могут быть региональные и муниципальные молодежные центры (центры молодежных инициатив) при условии изменения их характеристик, включающего: придание им статуса государственно-общественных ресурсных центров, активное включение в их работу гражданских институтов; превращение их в «площадки коммуникации» и социального проектирования; создание виртуальных аналогов.

Второй параграф **«Самоорганизация молодежи в механизме социального регулирования реализации ее групповых интересов в социальных конфликтах»** посвящен анализу возможностей использования ресурса самоорганизации для регулирования реализации интересов молодежи в условиях конфликта. Она представляет собой осуществляемый посредством саморегуляции процесс упорядочивания внутренних и внешних взаимодействий на основе принятия уже существующих или формирования новых институций.

Самоорганизацию молодежи, как необходимое условие реализации ее групповых интересов в условиях конфликта, целесообразно осуществлять на пяти уровнях.

На субкультурном уровне она заключается в конструировании символических жизненных миров. Это связано с решением задачи селективной институционализации молодежной субкультуры, которая предполагает: своевременную экспертную оценку ее проявлений; создание условий для легитимации и интеграции в «поле массовой культуры» субкультурных феноменов, имеющих значимую социетальную компоненту; разъяснение общественного смысла молодежных субкультурных образцов и стандартов; «блокировку» субкультурных феноменов асоциальной направленности.

На институциональном уровне должны быть определены способы реализации интересов молодежи в конфликтах со структурами власти и инсти-

тутами гражданского общества, осуществлены меры, направленные на создание условий для самореализации молодого поколения. Это требует эффективного и реального инвестирования и соинвестирования в социальное развитие молодежи; включение ее в процесс разработки нормативно-правовой базы ГМП; создания молодежных структур «гибридного» государственно-общественного характера, через которые молодежь участвует в решении проблем всего общества.

На уровне молодежных общественных объединений необходимы создание и актуализация ресурсов для реализации интересов в межгрупповых конфликтах. Наиболее существенные перспективы самоорганизации на этом уровне связаны с развитием социальных сетей.

На уровне межличностных связей, как правило, должны осваиваться практики реализации интересов преимущественно в конфликтах бытового характера. Это требует обучения молодых людей навыкам поведения в условиях конфликтов, стимулирования практики формирования «коллективов» в молодежной среде, создания и функционирования учреждений, занимающихся профилактической работой с конкретным молодым человеком.

На личностном уровне молодой человек должен быть способен упорядочивать систему внутриличностных установок. Самоорганизация на этом уровне, несмотря на то, что относится к личностной структуре, не может быть только результатом усилий самих молодых людей, но предполагает осуществление специальных образовательных и воспитательных программ, подкрепленных конкретными действиями, направленными на решение проблем молодежи и всего общества.

В третьем параграфе **«Социально-технологическая компетентность как фактор регулирования реализации интересов молодежи в условиях конфликта»**, обосновано, что одной из задач, решаемых в ходе формирования институционально-субъектного механизма регулирования реализации интересов молодежи в условиях конфликтах, является поиск эффективных регулятивов, представляющих собой инструменты регулирующего воздействия.

В диссертации обосновано, что таким регулятивом становится социально-технологическая компетентность акторов конфликтного процесса. Она представляет собой обладание навыками рационального, последовательного и рефлексивного использования стандартов поведения в конфликтных ситуациях, готовность их применить в соответствии с социальными нормами и при условии минимизации необоснованных ресурсных затрат.

Наличие ее позволит субъектам регуляции: рационализировать свои действия и находить рациональный смысл в действиях других участников; давать адекватную критическую оценку собственным интересам и действиям, равно как интересам и действиям контрагентов; придать им гуманитарную ориентацию.

Понятие «социально-технологическая компетентность» наполняется различным содержанием применительно к деятельности конкретных акторов

молодежных конфликтов. Для самих молодых людей она выражается в виде способности и готовности:

- адекватно представлять собственные интересы, уметь выделить среди них те, что обеспечивают успех и самореализацию, но при этом не влекут за собой деструктивных последствий для личности и общества;
- обосновывать и выстраивать жизненную стратегию адекватно рационально осмысленным и сформулированным интересам;
- конструировать модели повседневного поведения, создающие оптимальные возможности для реализации жизненной стратегии;
- находить оптимальные решения непосредственно в ходе конфликтов.

Элементы социально-технологической компетентности «внешних» по отношению к молодежи субъектов регуляции различаются в зависимости от их статуса. Для неинституционализированных акторов, для которых работа с молодежью не закреплена в качестве формализованной функции, они включают в себя готовность и способность: представить и понять интересы молодежи, приняв во внимание весь комплекс обстоятельств конфликтной ситуации; говорить с молодежью на «общем языке»; ясно формулировать собственные требования к молодежи; воспринимать молодежные конфликты как вполне естественную форму взаимодействия; овладеть элементарными приемами реализации конструктивной стратегии поведения в конфликтных ситуациях.

Социально–технологическая компетентность институционализированных контрагентов молодежи в социальных конфликтах включает в себя способность и готовность: выстроить государственно-общественную молодежную политику с учетом баланса интересов; наладить конструктивные коммуникации с молодежными группами, представляющими различные субкультуры; обеспечить безопасность молодых людей, особенно в экстремальных ситуациях; освоить технологии предотвращения и регулирования конфликтов.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формулируются основные результаты, выводы и практические рекомендации.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографии

1. Ушамировский, А.Э. Современная российская студенческая молодежь: конфликт ценностей / А.Э. Ушамировский. – Волгоград: Изд - во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2018. – 142 с. (10 п.л.)
2. Ушамировский, А.Э. Молодежь в российском обществе: интенция к справедливости / А.Э. Ушамировский. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – 248 с. (13 п.л.)
3. Ушамировский, А.Э. Региональные социальные конфликты и права человека: социологический подход / А.Э. Ушамировский. – Волгоград: ООО «Бланк», 2013. – 120 с. (6,9 п.л.)

Публикации в рецензируемых журналах, утвержденных ВАК Министерства образования и науки РФ

4. Ушамировский, А.Э. Социальные конфликты в представлениях молодежи / А.Э. Ушамировский // Теория и практика общественного развития . – 2020. – №1 (143). – С. 53 - 60. (0,4 п.л.)
5. Ушамировский, А.Э. Самоорганизация молодежи как реализация ее интересов / А.Э. Ушамировский, Г.Ф. Ушамировская // Теории и проблемы политических исследований. – 2018. – Т.7, №5а. – С. 312 - 323. (1,4/0,7 п.л.)
6. Ушамировский, А.Э. Концепция субъектности молодежи как симулякр социологической науки / А.Э. Ушамировский, В.П. Бабинцев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2018. – №3, вып. 43. – С. 414 - 420. (0,4/ 0,2 п.л.)
7. Ушамировский, А.Э. Проблема регулирования социальных конфликтов в регионе: диспозиция истеблишмента / А.Э. Ушамировский // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2017. – Т.8, № 6. – С. 29 - 44. (0,3 п.л.)
8. Ушамировский, А.Э. Человеческий потенциал молодежи: противоречия формирования и реализации в российском социуме / А.Э. Ушамировский, Г.Ф. Ушамировская, В.П. Бабинцев // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т.12, №6. – С. 65 - 74. (0,3/0,1 п.л.)
9. Ушамировский, А.Э. Асоциальная активность молодежи: проблема интерпретации причин / А.Э. Ушамировский // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2017. – Т.41, №17 (266). – С. 38 - 43. (0,3 п.л.)
10. Ушамировский, А.Э. Жизненные планы Российской молодежи как рефлексия социального статуса / А.Э. Ушамировский // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2017. – №24 (273), вып.42. – С. 55 - 59. (0,6 п.л.)
11. Ушамировский, А.Э. Реализация базовых интересов Российской молодежи как источник конфликтов / А.Э. Ушамировский // Primo aspectu. – 2017. – №1 (29). – С. 22 - 27. (0,3 п.л.)
12. Ушамировский, А.Э. Молодежь как субъект региональных конфликтов [Электронный ресурс] / А.Э. Ушамировский, Г.Ф. Ушамировская, В.П. Бабинцев // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – №1. – Режим доступа: <http://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/214>.
13. Ушамировский, А.Э. Играизация как парадигма отношения к конфликтам в студенческой среде / А.Э. Ушамировский // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 5. – С. 62 - 68. (1,4 п.л.)
14. Ушамировский, А.Э. Диспозиция студенческой молодежи в социальных конфликтах: социологический анализ / А.Э. Ушамировский // Дискуссия. – 2016. – №5 (68). – С. 87 - 94. (1,00 п.л.)
15. Ушамировский, А.Э. Российская молодежь: социализация как социальная адаптация / А.Э. Ушамировский, В.П. Бабинцев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2016. – Т.37 (238). – С. 85 - 89. (0,63/0,3 п.л.)

16. Ушамировский, А.Э. К проблеме субъектности молодежи / А.Э. Ушамировский // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – №4. – С. 16 - 29. (0,5 п.л.)

17. Ушамировский, А.Э. Презентация базисных интересов молодежи в социологических исследованиях / А.Э. Ушамировский // Современные исследования социальных проблем. – 2016. – №12 (68). – С. 314 - 331. (1,3 п.л.)

18. Ушамировский, А.Э. Молодежь в региональных социальных конфликтах: специфика диспозиции / А.Э. Ушамировский // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2015. – №3. – С. 147 - 157. (0,69 п.л.)

19. Ушамировский, А.Э. Динамика ценностей и жизненных целей российской молодежи / А.Э. Ушамировский, Г.Ф. Ушамировская, В.П. Бабинцев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2015. – №14 (211). – С. 34 - 40. (1,3/0,4 п.л.)

20. Ушамировский, А.Э. Особенности диспозиции молодежи в социальных конфликтах / А.Э. Ушамировский // Регионология. – 2015. – №4(93). – С. 132 - 138. (0,4 п.л.)

21. Ушамировский, А.Э. Эволюция жизненных целей молодежи в Российских регионах / А.Э. Ушамировский // Общество: социология, психология, педагогика. – 2015. – №6. – С. 13 - 16. (0,25 п.л.)

22. Ушамировский, А.Э. Социальные факторы нарушений прав человека в региональных конфликтах / А.Э. Ушамировский // Казанская наука. – 2013. – №12. – С. 308 - 313. (0,4 п.л.)

23. Ушамировский, А.Э. Место и роль защиты прав человека в региональных социальных конфликтах / А.Э. Ушамировский // Казанская наука. – 2012. – №7. – С. 296 - 299. (0,3 п.л.)

Публикации в журналах, индексируемых в признанных международных системах цитирования по соответствующим областям науки Web of Science, Scopus

24. Ushamirskiy, A. Peculiarities of urban youth interests' realization in social conflicts / A. Ushamirskiy, V. Babintsev, G. Gaidukova, Z. Shapova, M. Pastyuk // E3S Web of Conferences. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202015905004>. – 2020. – № 159. – P. 1 - 9.

25. Ushamirskiy, A. Protection of the youth interests in social conflicts: potential of social institutions / A. Ushamirskiy, V. Babintsev, Y. Serkina, I. Gukova // International Journal of Recent Technology and Engineering. – 2019. – Т. 8. № 3. – P. 8255 - 8258.

26. Ushamirskiy, A.E. Designing and implementing life strategies of young people in the context of social engineering / A. E. Ushamirsky, V. P. Babintsev // Advances in Social Science, Education and Humanities Research: 1st International Scientific Practical Conference "The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment", 2019. – P. 68 - 70.

27. Ushamirskiy, A.E. Strategies for status identification of russian youth in the context of globalization // Alexey Ushamirskiy, Valentin Babintsev, Viktor

Sapryka, Yana Serkina // SCTCMG 2019. International Scientific Conference «Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism», 2019. – P. 169 - 175.

28. Ushamirskiy, A.E. Social Youth Capital Formation and Implementation / A.E. Ushamirskiy, V.P. Babintsev, V.A. Sapryka, O.N. Polukhin, G.F. Ushamirskaya // The Journal of Social Sciences Research. – 2018. – Special Issue, 1. – P.160 - 164. (0,19 /0,04 п.л.)

Публикации в научных журналах и сборниках

29. Ушамировский, А.Э. Рационализация молодыми людьми восприятия социальных конфликтов и выбора стратегий конфликтного поведения / А.Э. Ушамировский // Наука. Исследования. Практика: сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции (Санкт– Петербург, Декабрь 2019) часть 1. – Санкт– Петербург: ГНИИ «Нацразвитие». – 2020. – С. 60 - 64. (0,4 п.л.)

30. Ушамировский, А.Э. Специфика поведения молодежи в социальных конфликтах / А.Э. Ушамировский // Молодежь и общество: среда, коммуникация, конфликт / Материалы III Всероссийской научно–практической конференции 20–21 июня 2019 года / Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактик асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». – Санкт–Петербург, 2019. – С. 278 - 287. (0,3 п.л.)

31. Ушамировский, А.Э. Власть и молодежь: проблема реновации коммуникаций / А.Э. Ушамировский // Вестник ВИЭПП. – 2018. – №1. – С. 136 - 140. (0,1 п.л.)

32. Ушамировский, А.Э. Ценностные дихотомии в сознании студенческой молодежи / А.Э. Ушамировский // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы II межд. науч.–практ. интернет –конференции, г. Вологда, 26–30 марта 2018 г. : в 2– х частях. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. – Ч. II. – С. 332 - 339. (0,4 п.л.)

33. Ушамировский, А.Э. Студенческая молодежь России: специфика статуса и разнообразие типов поведения / А.Э. Ушамировский // General question of world science. Collection of scientific papers, on materials of the international scientific – practical conference July 31, 2018, Ed.SIC «LJournal», 2018. – Pp. 40 - 49. (0,9 п.л.)

34. Ушамировский, А.Э. Особенности студенческой молодежи и ее ценностные ориентации Фундаментальные и прикладные социально – гуманитарные исследования: сборник статей II–ой Международной научно–практической конференции. – Челябинск, 2018. – С. 95 - 114. (1,00 п.л.)

35. Ушамировский, А.Э. Социальный капитал молодежи: проблемы формирования и реализации / А.Э. Ушамировский // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2017. – № 9 (ч.6). – С. 103 - 106. (0,47 п.л.)

36. Ушамировский, А.Э. Субъектный потенциал молодежи противоречия формирования и реализации в нестабильном российском социуме / А.Э. Ушамировский // Трансформация человеческого потенциала в контексте столе-

тия / под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: в 2 т. Т.1. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. – С. 372 - 376. (0,2 п.л.)

37. Ушамировский, А.Э. Региональный социальный конфликт как вид социокультурных интеракций / А.Э. Ушамировский // Проблемы внедрения результатов инновационных разработок: сборник статей Международной научно – практической конференции. В 3 ч. Ч.3. – Уфа: АЭТЕРНА, 2017. – С. 206 - 208. (0,18 п.л.)

38. Ушамировский, А.Э. Основные типы организации повседневного поведения молодыми людьми в Российском регионе / А.Э. Ушамировский // Социально – экономические исследования, гуманитарные науки юриспруденция: теория и практика: сборник материалов XII Международной научно – практической конференции / под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2017. – С. 83 - 87. (0,3 п.л.)

39. Ушамировский, А.Э. Проблема социальных угроз интересам молодежи в ходе конфликтов в муниципальном пространстве / А.Э. Ушамировский // Медиативные технологии в деятельности должностных лиц органов местного самоуправления по снижению социальной конфликтности в местном сообществе: юридические, социологические и психологические аспекты: сборник научных статей / под ред.: Д.А. Абезин, Ю.Ю. Ветютнев, М.Н. Козюк; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС. – Волгоград: Издательство Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2017. – С. 59- 68. (0,6 п.л.)

40. Ушамировский, А.Э. Специфика социализации молодежи в региональном пространстве / А.Э. Ушамировский // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы II ежегодной научно – практической интернет – конференции. Вологодский научный центр Российской академии наук. – Вологда, 2017. – С. 353-357 (0,4 п.л.)

41. Ушамировский, А.Э. Технология проектирования в реализации государственной молодежной политики / А.Э. Ушамировский // Современные социальные технологии в работе с молодежью: сборник статей II Международной научно – практической конференции / отв. ред. Р.Б. Шайхисламов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С. 562 - 568. (0,3 п.л.)

42. Ушамировский, А.Э. Проблемы диагностики восприятия молодежью социальных конфликтов / А.Э. Ушамировский // Управление в XXI веке: сборник статей по материалам международной научно–практической конференции (НИУ «БелГУ», 1 ноября 2017 года) / отв. ред. В.М. Захаров. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – С. 50 - 55. (0,4 п.л.)

43. Ушамировский, А.Э. Социальные конфликты в восприятии молодежи / А.Э. Ушамировский // I Чтения памяти В.Т. Лисовского: сборник научных трудов / под ред. Т.К. Ростовской, Т.Э. Петровой. – Электрон. дан. – Москва: Перспектива, 2017. – С. 277 - 284. (0,2 п.л.)

44. Ушамировский, А.Э. Региональная молодежная политика: востребованность новых приоритетов / А.Э. Ушамировский // Современные технологии государственного и муниципального управления: сборник докладов научно – практической конференции (22 декабря 2017 г., Белгород) / под ред. проф.

В.П. Бабинцева. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – С. 181 - 184. (0,25 п.л.)

45. Ушамировский, А.Э. К проблеме способности российской молодежи стать реальным субъектом социетальных изменений / А.Э. Ушамировский // Материалы VII Международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15 – 16 марта 2017 г. / отв. ред. А.В. Кулешова. – Москва: АО «ВЦИОМ», 2017. – С. 51 - 54. (0,1 п.л.)

46. Ушамировский, А.Э. Перспективы развития кадрового потенциала государственной молодежной политики в регионе / А.Э. Ушамировский // Материалы Всероссийской научно – практической конференции «Государственная молодежная политика в системе развития человеческого капитала: наука и практика», 24 – 25 апреля 2017 г. / под ред.: Т.К. Ростовской, Н.Л. Смакоотиной, С.Н. Фоминой – Москва: ИТД «Перспектива», 2017. – С. 498 - 501. (0,1 п.л.)

47. Ушамировский, А.Э. Специфика целеполагания молодежи в обществе риска / А.Э. Ушамировский // Социологический альманах. Выпуск 9. Трансформация современного общества: вызовы и перспективы: материалы VIII Орловских социологических чтений 9 декабря 2016 г. / под общей редакцией Н.А. Меркулова, Н.В. Проказиной. – Орел: Изд-во Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2017 – С. 194 - 196. (0,37 п.л.)

48. Ушамировский, А.Э. Потенциал Российской молодежи как субъекта социальных изменений / А.Э. Ушамировский // Социологический альманах. Выпуск 8. «Молодежь в современном обществе риска»: материалы VII Орловских социологических чтений 18 декабря 2015 г. / под общей редакцией П.А. Меркулова, Н.В. Проказиной. – Орел: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2016. – С. 105 - 108. (0,5 п.л.)

49. Ушамировский, А.Э. Проблема прав молодежи в конфликтах: социокультурный аспект / А.Э. Ушамировский // Актуальные проблемы социологии культуры, образования, молодежи и управления: материалы Всероссийской научно – практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 24 – 25 февраля 2016 г.) [Электронный ресурс] / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург: Изд – во Урал. ун – та, 2016. – С. 1028 - 1034. (0,25 п.л.)

50. Ушамировский, А.Э. Проблемы социальной адаптации студенческой молодежи в среде сверстников / А.Э. Ушамировский // Символ науки. – 2016. – № 3–4. – С. 181 - 185. (0,23 п.л.)

51. Ушамировский, А.Э. Специфика общественного сознания студенческой молодежи / А.Э. Ушамировский // Новый взгляд. Международный научный вестник. – 2016. – № 11. – С. 126 - 132. (0,42 п.л.)

52. Ушамировский, А.Э. Гражданская активность молодежи в регионе: проблемы и перспективы / А.Э. Ушамировский // Становление и развитие гражданского общества в российских регионах: материалы Всероссийской научно–практической конференции / отв. ред.: Л.Н. Алисова, В.И. Селютин; Воронежский институт экономики и социального управления. – Воронеж:

Издательско – полиграфический центр «Научная книга», 2016. – С. 185 - 187. (0,23 п.л.)

53. Ушамировский, А.Э. Особенности социализации Российской молодежи / А.Э. Ушамировский // Новая наука: проблемы и перспективы. Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно – практической конференции. – Стерлитамак, 2016. – С. 106 - 109. (0,24 п.л.)

54. Ушамировский, А.Э. К проблеме субъектности молодежи / А.Э. Ушамировский // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.11. /РАН ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв.ред. В.И. Герасимов. – М., 2016. – Ч.3. – С. 628 - 630. (0,37 п.л.)

55. Ушамировский, А.Э. Стратегии Российской молодежи в конфликтах / А.Э. Ушамировский // Приоритетные научные направления: от теории к практике: сборник материалов XXXIV Международной научно–практической конференции: в 2–х частях. Часть 2 / под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016. – С. 162 - 165. (0,18 п.л.)

56. Ушамировский, А.Э. Проблема институционального доверия в молодежной среде / А.Э. Ушамировский // Символ науки. – 2015. – №10 – 2. – С. 253 - 258. (0,6 п.л.)

57. Ушамировский, А.Э. Молодежь как потенциальный субъект общественных изменений / А.Э. Ушамировский // Инновационные технологии научного развития: сборник статей Международной научно–практической конференции (25 октября 2015 г., г. Пермь). В 2 ч. ч.2 – Уфа: АЭТЕРНА, 2015. – С. 257 - 262. (0,27 п.л.)

58. Ушамировский, А.Э. Молодежь России: проблема самоопределения через участие в социальных конфликтах / А.Э. Ушамировский, Г.Ф. Ушамировская // Ученый XXI века. – 2015. – №11 (12). – С. 26 - 30. (0,4/0,2 п.л.)

59. Ушамировский, А.Э. О теории социологического исследования региональных социальных конфликтов / А.Э. Ушамировский // Векторы развития современной науки: материалы Международной научно–практической конференции. – Уфа: РИО ИЦИПТ, 2014. – С. 79 - 84. (0,2 п.л.)

60. Ушамировский, А.Э. Об использовании категории «гарантии защиты прав человека» в изучении причин возникновения региональных конфликтов социальных / А.Э. Ушамировский // Векторы развития современной науки: материалы Международной научно – практической конференции. – Уфа: РИО ИЦИПТ, 2014. – С. 84 - 88. (0,3 п.л.)

61. Ушамировский, А.Э. Кадровое обеспечение конфликтного медиаторинга в системе молодежной политики в регионе / А.Э. Ушамировский // Инновационное развитие и кадровый потенциал молодежной и социальной сферы: материалы Междун. научно–практ. конференции. – Санкт – Петербург, ФГБОУВПО «СПГУТД», 2013. – С. 374 - 376. (0,16 п.л.)

62. Ушамировский, А.Э. Социологические подходы к исследованию проблем защиты прав человека в региональных конфликтах / А.Э. Ушамировский // Сборник материалов Международной научно – практической конференции «Гражданское общество и правовое государство» т.1. – Барнаул, 2013. – С. 62 - 64. (0,3 п.л.)

63. Ушамировский, А.Э. Современные проблемы и значение исследования вопросов урегулирования региональных конфликтов в социальной конфликтологии / А.Э. Ушамировский // «Современные тенденции в образовании и науке»: сборник научных трудов по материалам Международной научно – практической конференции. – Тамбов, 2013. – С. 146 - 148. (0,3 п.л.)

64. Ушамировский, А.Э. Технологические барьеры в практике гражданского диалога в России / А.Э. Ушамировский // Социальные технологии в современном обществе: материалы Международной научной конференции – Четвертых Санкт – Петербургских социологических чтений, часть 1. – Санкт – Петербург: СПбГИЭУ, 2012. – С. 299 - 302. (0,3 п.л.)